

АНДРЕЙ
РУБАНОВ
ФИНИСТ
ЯСНЫЙ
СОКОЛ

АНДРЕЙ РУБАНОВ

ФИНИСТ~
ЯСНЫЙ
СОКОЛ

РОМАН

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Издательство АСТ, Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
P82

Художник — *Андрей Бондаренко*

В оформлении переплёта использованы фрагменты картин
Юлии Гуковой

Роман написан по идее режиссёра *Аглаи Курносенко*

Рубанов, Андрей Викторович.

P82 Финист — ясный сокол : роман / Андрей Рубанов. — Москва :
Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2019. — 567, [9] с. —
(Проза Андрея Рубанова).

ISBN 978-5-17-113151-7

Это изустная побывальщина. Она никогда не была записана буквами.

Во времена, о которых здесь рассказано, букв ещё не придумали.

Малая девка Марья обошла всю землю и добралась до неба в поисках любимого — его звали Финист, и он не был человеком.

Никто не верил, что она его найдёт. Но все помогали.

В те времена каждый помогал каждому — иначе было не выжить.

В те времена по соседству с людьми обитали древние змеи, мавки, кикиморы, шишиги, анчутки, лешаки и оборотни.

Трое мужчин любили Марью, безо всякой надежды на взаимность.

Один защитил, другой довёл до края земли, третий донёс до неба.

Из-за одной малой девки целый мир сдвинулся и едва не слетел с оси.

Ничто, кроме любви, не может сдвинуть мир с места.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-113151-7

© Рубанов А.В.
© Бондаренко А.Л., художественное оформление
© ООО «Издательство АСТ»

ОГЛАВЛЕНИЕ

Сказ первый

ГЛУМИЛА

7

Сказ второй

КОЖЕДУБ

169

Сказ третий

РАЗБОЙНИК

393

Сказ первый

ГЛУМИЛА

1.

Тут у вас хорошо. Интересно. Все пьяные, все весёлые. В таких местах бывать — одно удовольствие. Я люблю, когда шумно, когда толпа, когда не знаешь, что дальше будет. То ли ограбят, то ли приголубят, то ли взашей вытолкают.

Звать меня Иван.

Есть второе имя, заветное, но я его потом скажу, и то — если ты мне придёшься по нраву. А не придёшься — не скажу.

А третье имя, смертное, не скажу совсем. Его назову только богам, когда помру.

Да, у меня есть бубен. Большой, в мой рост. Его завтра на лодке привезут. Есть и малые бубенчики — не скажу где.

Скажу только, что отлили те бубенчики из такой чистой меди, что когда они звенят — даже змеи танцуют.

Потому что если я тебе скажу, где мои бубенчики, — так ты меня возьмёшь да зарежешь, ради той чистой меди.

Да, по-вашему я — скоморох. По-нашему — «глумила». Или «глумец». Шут, ага.

Скоморох, скоробрёх.

Мы глумилы, мы дальше всех от могилы.

Поём, пляшем, руками-ногами машем.

Прыгаем выше головы да на обе стороны.

В бубен бьём, никогда не врём.

Наше дело глумецкое, озорное, молодецкое.

Конечно, я знаю ваш язык. Я сам венед. А ты, судя по говору, вятич. Вот, угадал.

А отец мой помер. Пошёл в лес, и его зверь задрал. Когда он меня родил, ему было восемьдесят четыре года.

Когда он помер, мне исполнилось пять.
Но рассказ вообще не про меня, а про молодую девку.
Если в рассказе нет молодой девки — это, как ты понимаешь, и не рассказ вовсе.

Обязательно девка должна быть.

Конечно, я не местный. Здесь у вас бывал — но очень давно. Может, лет семь назад. С тех пор всё тут изменилось. Лучшее стало. Очень мне у вас нравится. Народу — толпа, все нарядные, на каждом углу пиво наливают и брагу. И девчонки красивые. Такие, что подойти страшно. Нет, я не робкий, я ж глумила, мы робкими не бываем. Перед старшинами не робею, в любой богатой гридне держусь как у себя дома, а девчонку увижу — сам не свой.

Нет, ты мне так много вопросов не задавай. Лучше налей.

Я буду рассказывать сначала коротко, затем всё более подробно. Моё лицо при этом может принять неприятное выражение. Кроме того, в определённое время я впаду в нарочитое состояние, могу крикнуть, или заговорить не своим голосом, или хватануть себя зубами за пальцы. Может и слюна изо рта пойти, или сопля из ноздри выбежать.

Но в таком телесном проявлении не будет ничего стыдного.

Я не обещал, что будет легко и приятно.

Ничему не удивляйся, просто слушай и получай удовольствие. Понимаешь меня? Хорошо. Тогда слушай.

Это было во время оно.

Очень, очень давно. Когда я был горячий, лёгкий, точный и весёлый.

Когда моему разуму открывается расстояние между тем борзым мальчишкой и мною теперешним — я ужасаюсь и восхищаюсь силе водоворота времени, протекающего через всё живое.

Коловрат всесилен, это так.

С тех времён я прожил ещё две судьбы. Был вором, потом колдуном. Теперь живу четвёртую судьбу. Может, и не последнюю.

Я мало помню из бестолковой юности. Только самое изумительное, самое стыдное и самое страшное. Наша память так устроена.

И вот эта девка была самый изумительный человек, которого я встретил в те лета.

А всё, что с ней случилось, — самая страшная быль из всех моих былей.

В прочие годы передо мной появлялись и другие невероятные люди, скроенные по удивительным меркам, туго заряженные силой жизни. Но девка Марья первая из них встретила мне в мельтешении людской гущи. Поэтому она навсегда со мной останется: на дне разума, в самой твёрдой памяти.

Моя мать была обычная баба, дочь бортника. А отец тоже был глумила. Скоморох. И мать, когда влюбилась, с ним ушла, и так родился я.

И дед мой тоже был глумила, и прадед.

Навыков много в этом деле, и они передаются от отца к сыну.

Но не обязательно: бывает, что отец — какой-нибудь простой засечный орадай, а сын — и поёт, и играет, и чего только не вытворяет.

Вот мой друг тех времён, рыжий Кирьяк — он был именно такой. Глумила в первом колене.

А я — потомственный, и число колен моих велико: мой род от Дамира, и от Глеба, и от Владуха, и от Новика, а там дальше и другие есть, и слава их гремела по всей Оке до самого Итиля и дальше до Лукового моря.

И пока я не начал своего рассказа, скажи мне — где тут можно недорого переночевать?

Отсюда — четвёртый дом? Но там нет домов, только землянки. Нет, я не против, но моим костям полезно спать на дереве. Без обид, ага? Допустим, ежели я заплачу полкуны лысых за три ночи? С хорошей хозяйкой? Подберёшь мне что-нибудь? Пока я не охмелел?

Рассказывать буду долго, предупреждаю, до утра могу, если твоей браги хватит.

Да, кстати! Пока не забыл. Вы тут, извиняюсь, кому требу подносите?

В смысле, какому богу жертвуете?

Чего молчите? Это простой вопрос.

Мать моя подносила Мокоши, чтоб был в доме достаток, и скотьему богу, чтоб дал ещё детей, и Хорсу, богу света и тепла. В моей родной селитьбе все подносили Хорсу — ну вот и мать подносила ему, а вы кому подносите?

Ага, понимаю. Ну что же, хорошо.

Вот и я ему теперь жертвую из первой чаши.

Да прольётся сладкая брага прямо в горло этого сильного бога.

Пошли удачу вашему дому, и чтоб его двери, когда надо, открывались во всю ширину — а когда надо, закрывались накрепко.

Сам я не скажу, чтобы часто подносил требу, и у меня нет какого-то одного бога, на которого я полагаюсь.

Мне кажется, боги мало про нас думают, а больше заняты своими делами.

Они такие же, как мы, они тоже движутся по кругу, они ничего не могут изменить.

Иногда мне кажется, что боги нас обманывают. Мы проливаем кровь на их алтари, а на самом деле наша кровь им не нужна, а нужно что-то другое.

Подожди, не надо так глазами сверкать. Я не хулигатель богам. Но я не обещал, что рассказ будет простым. Мы уговорились, что я буду излагать, а вы слушать, — слушайте и молчите. Я жертвую, как любой другой нормальный человек, всегда, когда мне нужна подмога. Я бродяга, мы же глумилы, мы ходим из одного места в другое, а в каждой селитьбе свои порядки: в одном месте стоит Мара — и я жертвую Маре, в другом месте стоит Хорс, и я тогда жертвую Хорсу.

Конечно, от сердца жертвую, иначе какая жертва? Но, повторяю, я не из тех, кто по любому поводу курицу на требище несёт. Честно признаюсь. Когда закончу этот сказ, сами поймёте.

Один умный человек, живший на другом конце света, сказал: бог получает божью долю, а человек — человеческую. В общем, я больше думаю про свою, человеческую долю, а боги свою божью долю как получали, так и будут получать.

Однажды я был в городе, где стояли два идола, бог скота и бог неба, и эти идолы были такие древние, что от времени черты их стёрлись, и волхвы забыли, кто есть кто, и стали называть их просто «два бога», устроили общий жертвенник и приносили одну требу двум богам сразу. И ничего, богатый был город, красивый, и его жители не знали горя.

А в другом месте, далеко на севере, люди жертвовали окаменевшему черепу древнего змея, причём кровь не проливали, а отдавали зубы. Волхв брал дубовую киянку, выбивал человеку один-два зуба и клал внутрь черепа. Вот это жертва, я понимаю! Я видел тот череп — высотой в три сажени, он на одну половину врос в землю, а на вторую половину был доверху наполнен пожертвованными человечьими зубами. Сами волхвы при том змеевом требище тоже были без зубов, все кроме одного, молодого ученика — он всем остальным жевал.

А в третьем месте я видел идола, который весь по самую макушку был погружён в землю, но понемногу сам собой выпрастывался из земли, очень медленно, год за годом, на полвершка в год, выше и выше, так что однажды показались глаза, а затем и нос, и шея; в тот год, когда я его видел, он вылез по грудь. Ему жертвовали очень много, он был весь покрыт свежей кровью и выглядел почти живым — короче говоря, я оттуда быстро ушёл, как сейчас помню. Волхвы с того требища говорили, что когда идол выйдет весь из земли — он подпрыгнет, и в тот же миг весь средний мир лопнет пополам.

Нет, я не боюсь гнева богов. За что им на меня злиться? Кто я такой? Я не князь, не старшина, не ярл, не богач, не вор, не злыдень, я всего только шут.

Я боюсь одного: что мой рассказ не будет интересным.

Если ты перестанешь меня слушать, отвернёшься, начнёшь скучать, зевать и думать о постороннем — это для меня самая страшная беда.

По сравнению с этим — гнев богов ничего не стоит, поверь.

Поэтому мне важно найти правильные слова, самые точные, пусть и не самые красивые. Красивое слово часто обманывает, как обманчива любая красота.

Посмотри на меня, мне сто девятнадцать лет, я отвратительный старик, а когда-то всё было иначе: я тоже был красивым, нравился бабам и не знал у них отказа; но это другой рассказ, а пока слушай первый.

И не мешкай наливать.

И насчёт ночлега для меня не забудь подумать.

2.

Ту девку звали Марья, и она была младшая дочь кузнеца.

За два года до того я и мой лучший друг, рыжий Кирьяк, брат по крови, ровесник, парень огромной ловкости, объединились в глумецкую ватагу. Мы стучали на бубнах по праздникам и свадьбам, вдоль средней Оки, вплоть до самого Резана.

Но в Резан сунуться и помыслить не могли: ходили слухи, что там всё делено-переделено, и глумецкие оравы в очередь стоят, чтобы в богатых домах петь, плясать и в бубны бить за серебряные деньги.

Мы с рыжим Кирьяком были, конечно, лучшие.

С четырёх лет мы решили, что будем лихими глумилами без страха и пристанища.

Мой отец многому меня научил, но я мало помню из его уроков.

Мать про него ничего не рассказывала и, как я понял, всю жизнь на него злилась, чего-то не могла ему простить. Думаю, он прибрёл в их городище, постучал на бубне, спел, сплясал, шуток нашутковал, мёда выпил, да её угостил, а она и влюбись. А он — честный малый — увёз её из родительского дома, таскал какое-то время за собой, то на лодке, то пешком, а ей это было не нужно.

Когда отец погиб, мать осела в Озёрской селитьбе, и держала коз, и всё меня, в малые года, склоняла в козопасы, — очень выгодное дело, всегда сыт и согрет, а к вонище можно и привыкнуть. Но я отца вспоминал, его рассказы, уроки: убегал куда подальше, колесом вертелся, палки подкидывал, приговорки приговаривал, — козопасом скучно быть, а глумилой интересно.

А Кирьяк был мой череззаборный сосед; так наша ватажка и образовалась.

С возраста пяти лет мы, вкуче с остальными детьми нашего селища, каждые двадцать дней ходили к ведуну на правку. Нас приматывали крепкими ремнями за руки и за ноги, подвешивали — и растягивали на четыре стороны, подвязывая к ремням камни, в зависимости от возраста — всё более и более тяжкие. Понемногу мои кости и сухожилия обрели такую крепость, что к двенадцати годам я легко выдёргивал с корнем берёзу высотой в два моих роста.

Ведун говорил, что настоящий разум человека заключён отнюдь не в голове, а в костях; там, внутри — тоже есть мозг, и, по словам ведуна, именно этот мозг, костный, и ведёт человека по жизни, подсказывает верные решения, управляет.

Не головой думает человек, учил ведун, но собственными костями.

Мы с Кирьяком, молодые ребята, в ведовские премудрости не вникали. Но нам нравилось быть сильными.

Нет такого мальчишки, который не мечтал бы стать богатырём, наподобие легендарного Святогора.

Ну, а дальше, как ты понимаешь, — глумиле нужен бубен. Маленький бубен я себе сделал в семь лет, а на настоящий большой — копил все свои молодые годы.

Свой первый большой бубен никогда не забуду. Он ревел, как бог войны. Если я начинал в него бить на закате — к полуночи девки впадали в забытьё. Очень сильный был бубен — я его пробил до дыр за несколько месяцев, однако не жалею.